

СМЫСЛОВЫЕ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ СХЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХАКАССКИХ ЗАГАДОК

М.Д. Чертыкова, д-р филол. наук

Ч.А. Каксин, студент

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
(Россия, г. Абакан)

DOI:10.24412/2500-1000-2022-1-3-76-80

Аннотация. В статье с семантико-когнитивных позиций анализируются хакасские загадки о трудовой деятельности человека. Загадки представляют собой спаянные языковые выражения, направленные на расшифровку и когнитивное осмысление закодированных структур. В текстах хакасских загадок встречаются лексемы, вышедшие из употребления, что свидетельствует об их архаичности. Зашифрованная интерпретация трудовой деятельности включает образные характеристики домашних и диких животных. В основе метафоризации хакасских загадок часто лежит признак антропоцентричности, реализуемый в описаниях характеристик и действий человека, а также других живых существ.

Ключевые слова: загадка, метафора, интерпретация, когнитивное мышление, расшифровка, хакасский язык.

В настоящее время в связи с бурным развитием лингвокультурологических и когнитивных направлений в языкознании особое внимание обращается на различные жанры фольклора. Именно фольклорные тексты являются одним из надёжных источников исследования национальных мировоззренческих структур. Огромное наследие устного поэтического творчества тюркских народов обладает многообразной жанровой палитрой, и становится объектом пристального внимания исследователей в гуманитарных областях науки. Лингвистическое изучение фольклорных текстов, в том числе и загадок, нацелено на выявление их семантико-когнитивных, структурных и синтаксических особенностей [1; 4; 5; 6 и др.].

Цель статьи – описание и определение смысловых и трансформационных стратегий хакасских народных загадок, представляющих собой соотношение национально-культурных и языковых аспектов репрезентаций. «Загадка – изображение или выражение, нуждающееся в разгадке, истолковании» [3, с. 204]. С одной стороны, преобразование смысловой интерпретации загадок, с другой – текстопонимание адресатом в процессе восприятия имплицитных языковых кодов, являются одними

из наиболее значимых прагматических парадигм данного многоаспектного фольклорного жанра. Специфика паремической картины мира определяется, прежде всего, мировоззренческой культурой конкретного этноса. Загадки же – это один из видов вербализации мировидения народа.

В тюркских языках структурно-семантические, когнитивные, лингвокультурологические механизмы данного малого фольклорного жанра, несмотря на наличие известных трудов [8; 9 и др.], пока ещё остаются малоизученными. Названные работы посвящены описанию и расшифровке скрытого смысла концептуализации мира, мифологической и метафорической системы загадок, логической цепочки альтернативных компонентов их структуры. В работе В.В. Филипповой якутские загадки рассматриваются как семиотический объект, в связи с чем «совершается анализ фоносемантической организации текстов загадок, шифрующих денотат или имя отгадки посредством звуковых приемов аллитерации, анаграммы и ономотопей, передающих звуки явлений природы, флоры и фауны, а также звукоподражаний, имитирующих звуки предметов труда, действий человека» [9].

В хакасском языкознании и фольклористике тематика загадок, как малого жанра устного народного творчества, пока является незатронутой. В своей статье мы рассматриваем загадки, посвящённые традиционной трудовой деятельности хакасов. Материалом для анализа послужили загадки, собранные из сборника «Хыйҕа сös» (Мудрое слово) [11].

Одна из важных структурных особенностей загадки – это устойчивое иносказительное, образное описание загадываемого объекта. В загадках обычно встречаются метафорические выражения, репрезентирующие сходные характеристики сопоставляемых объектов и их взаимосвязей. На метафорической основе лежит сопоставление двух объектов или явлений. В загадках «... один объект изображается посредством другого, имеющее с ним хоть какое-нибудь, даже и отдалённое сходство. В процессе когнитивного осмысления ассоциированного фрагмента действительности человек приходит к определённом умозаключению, т.е. расшифровывает загаданный объект» [2, с. 127].

О спаянности языковой организации свидетельствуют архаичные элементы в тексте загадок. В современном хакасском языке лексема *kögis* почти не используется, заменяясь её однокоренным аналогом в притяжательной форме: *köksi* «грудь; грудная клетка». Однако в Хакасско-русском словаре лексема *kögis* I представлена как многозначная: 1) грудь, грудная клетка; {...}; 2) туловище (*до пояса*); корпус, туловище (*целиком, без конечностей*); 3) *перен.* ум [10, с. 191]. Однако переносный лексико-семантический вариант семантической структуры данного слова «ум» в современном хакасском языке реализуется только в составе сложного слова *сагыс-кögis* «ум». Тем самым в загадке *Кöзенегеске көгисче кёрдём* (Клүсті замочка сухханы) – Влезает, как заведено, / По грудь в железное окно (Ключ в замочной скважине) можно отметить устаревшую лексему *kögis* «грудь» (буквальный перевод залез по грудь).

Как показывает словарная статья, омонимичная, но также устаревшая, лексема *kögis* II является многозначной: крик, ру-

гань, ссора [10, с. 191]. Данная лексема в притяжательной форме (с аффиксом *-tig*) используется в следующих загадках, имеющих аналогичную валентностную структуру: *Таг өтире табыстыг, / Табылгыча көгистиг* (Мылтых атханы) – Ростом с таволожник, а как грохнет порой, / Гром отзовётся за дальней горой (Стрельба из ружья). *Сын өтире табыстыг, / Хымысхача көгистиг* (Пырғы тартханы) – Хоть ростом муравью под стать, / А за горой его слышать (Рожок). Как видим, в этих загадках лексема *kögistig* используется как синоним слову *табыстыг* «крикливый; с голосом».

Также к категории малоупотребительных относится прилагательное *көңдей* «1) пустой; полый; дуплистый; {...}; 2) пустота; полое место; пустое пространство в нижней части юрты за сундуками; {...}» [10, с. 201]. Данное слово встречается в тексте загадки: *Көксi көңдей, күреезi чичен* (Киме) – Грудь впалая, ход прямой (Лодка). Тем самым в загадках мы видим языковое отражение древнейшего представления этноса об окружающем мире.

Как известно, хакасы испокон веков вели полукочевой образ жизни, занимаясь скотоводством. Соответственно, фольклорная модель мира включает языковые сегменты животноводства, т.е. метафорические эквиваленты загадываемого объекта. Тем самым в загадках участвуют речевые формулы, обусловленные образными характеристиками домашних и диких животных. Чаще встречаются денотативные наименования: *хой* «овца», *ат* «лошадь», *пиш* «кобылица», *инек* «корова», *хуча* «козёл» и др., которые заполняли традиционную хозяйственную жизнь хакасов: *Чүзелдей апсах / Чүс хойын чит полбинча* (Талған хоорғаны) – Старик Чүзелдей / Сто своих **овец** / Догнать не может (Поджаривание зерна для толокна). *Чүс хой аразында / Түгдүр хучам ойлап чөр* (Талған хоорғаны, пулғос) – Среди ста **овец** / Мохнатый **баран** бегаёт (Мешалка во время поджаривания зерна для толокна). В этих загадках наблюдается образная параллель между овцами и зёрнами, используемыми для традиционной пищи – талгана. В приведённых загадках используется сочетание

чүс хой «сто овец». В данном случае число чүс «сто» имеет символическое значение: оно выражает понятие множественности и действует на сознание адресата своей гиперболической направленностью. Крупы для национального супа (*чарбалыг үгре*) представляются в образе также ста овец: *Чүс хойым суға кирді, / Чүстей апсах соонаң кирді* (Ўгрее көче чарба салғаны) – Кинулись в воду сто **овечек** с ходу, / Чустей дед – за ними вослед (Заварка супа ячменной крупой). Ассоциативный механизм часто объединяет постоянно взаимодействующие между собой отдельные фрагменты сфер животноводства и приготовления традиционной пищи.

В когнитивной модели загадок образ лошади часто участвует скрытой интерпретации и других видов трудовой деятельности: *Сарыг адым / Салаада сілігінче* (Ас сарғааны) – Мой соловый **конь** на ветке встряхнулся (Веяние зерна). *Сугзар чохыр адым кір парир* (Сөзірбе) – Мой чубарый **конь** в воду заходит (Невод). *Тізі, тілі чох / Кирі хыр ниу* (Киндір пасханы) – Старая чалая **кобыла** / Без зубов и языка (Мялка). *Пір ах ниудец / Чүс ах ниу тәріпче* (Сиир тарааны) – От одной белой **кобылицы** / Сто белых **кобылиц** рождаются (Расчёсывание воловьих жил).

В следующей загадке для обозначения процесса шитья денотативным наименованием выступает корова (інек): *Көк інектің соонаң / Ах інек килир* (Інге саптап, тіккені) – За синюю **коровой** снова в свой черед / Белая **корова** по полю идёт (Шитьё).

Различные предметы повседневного пользования в хозяйстве часто становятся объектом зашифрованного описания, способствующего логическому осмыслению их характеристик и постепенной расшифровке их кодирующего смысла: *Пур-пар чорыхтыг, / Пулан-сыын табыстыг* (Хол теербені) – Шумит и грохочет немало, / Трубя наподобие марала (Ручная мельница). *Узун агас пазында тогыр агас, / Тогыр агас пазында тогыс салаа* (Тырбос) – На конце длинной палки / Поперечная палка. / На конце поперечной палки - / Девять пальцев (Грабли). *Көңдей алтында көк пұур чатча* (Палты) – Синий волчище - / Под лавкой ложбище (Топор).

В основу метафорической интерпретации загадки заложен признак антропоцентричности. «Очеловечивание» предметов / инструментов трудовой деятельности кодируется лексемами, выражающими понятие человек, например, *оол* «парень», *оолах* «мальчик», *хыс* «девушка», *апсах* «старик», иней «старушка» и т.д. При этом обязательно текст загадки включает скрытые характеристики отгадываемого объекта. *Пис оол сүрізін ойнапча* (Ух сохханы) – Пять **мальчиков** играют в перегонки (Вязание чулок). *Чазыда чалаас оол турча* (Ағастың хастыриин сойғаны) – Стоит поневоле / Голый **мальчик** в поле (Сдирание лыка). *Чалаас оолах хар күрепче* (Ағас хырғаны) – Голый **мальчик** снег разгребаёт (Скобление дерева). *Ораңдай апсахты / Пис кізі алтандырча* (Пөрік кискені) – Пяти подручным не привыкать / **Старика** Орандая на трон сажать (Одевание шапки). *Хырых тістіг инейек* (Хол теербені) – Сорок зубов у **старушки** (Ручная мельница). *Алтон алып аар-неер чүгүрісчелер* (Пила) – Шестьдесят **братьев** / Бегают туда-сюда (Пила). Как видим, необычное переосмысление свойств отгадываемых предметов и явлений развивает логическое мышление, формирует у человека «способность различной категоризации, основанной на чётком соотношении категориальных признаков предметов и явлений, наблюдаемых в реальности» [7, с. 132].

Антропоцентрический код загадок заключается также в определённых характеристиках и действиях человека. *От чізе, тіс чох пол парча; / Тас чізе, тістіг пол парча* (Сахпы) – Наестся травы – притупляется, / А камня поест – заостряется (Коса). *Позы тамах чібинче, / Че пар-чох чонны азырапча* (Салда) – Хлеба сам не ест, / Но весь народ кормит хлебом (Плуг).

В тексте загадок используются лексемы, семантика которых могут соотноситься не только с человеком, но и с другими живыми существами, например, в загадке *Париза – хызыр, / Килизе – поос* (Суға чөргені) – Туда идёт яловый, / Возвращается стельной (Хождение по волю с ведром) прилагательные *хызыр* «яловый» и *поос* «стельная» используются только по отношению к представителям животного мира.

Имплицитное описание хозяйственной деятельности и предметов хозяйствования может вестись и от первого лица, акцентируя внимание на физиологических ощущениях: *Чылыг минің тонымны / Чылның суурадырлар* (Хой хырыхханы) – Каждый год средь бела дня / Шубу снять спешат с меня (Стрижка овцы). В данном случае загадываемый объект сам же является автором имплицитной интерпретации. Описание характеристик загадываемого объекта передаётся также с субъективных (личных) позиций, позволяющих охарактеризовать его перцептивные свойства: *Тудыбыссам, пір тудым; / Чазыбыссам, пір чазы* (Сөзірбе) – Сожму – сожмётся передо мной, / Расставлю – в поле шириной (Невод). Субъект повествования здесь обращается к незримому адресату, призывая его к логическому размышлению и отгадке заданной позиции.

При том, что метафорическое описание является наиболее распространённым способом языкового кодирования загадываемого объекта, в описываемом интерпретационном поле имеется отдельная категория загадок, в которых акцентируется, в

Библиографический список

1. Журинский А.Н. Семантическая структура загадки. Неметафорические преобразования смысла. Отв. ред. Н.В. Охотина. – М.: Наука. 1989. – 126 с.
2. Мухтаруллина А.Р., Туктарова Р.Г. Когнитивно-семантическая структура текста загадки (на материале английского, русского и башкирского языков) // Перспективы науки и образования. – 2017. – №6 (30). – С. 126-132.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Российская АН, Институт русского языка; Российский фонд культуры. – М.: Азъ Ltd., 1992. – 960 с.
4. Орлова О.С. Загадка как объект лингвистического исследования // Слово.ру: балтийский акцент. – 2017. – Т. 8. №3. – С. 104-114.
5. Николаева Т.М. Загадка и пословица: социальные функции и грамматика // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Загадка как текст. – М.: Индрик, 1994. – Т. 1. – С. 143-194.
6. Сендерович С.Я. Морфология загадки. – М.: Языки славянской культуры. 2008. – 207 с.
7. Семененко Н.Н. Проблема описания функционально-категориального статуса загадок как паремического жанра // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011. – №127. – С. 129-135.
8. Соловьева-Ойунская С.П. Якутские народные загадки. Специфика жанра. – СПб: Наука, 1992. – 112 с.
9. Филиппова В.В. Якутские загадки: семантика и структура: автореф. дисс. канд. филол. наук. Специальность: 10.01.09. – Улан-Удэ, 2012. – 28 с.
10. Хакасско-русский словарь. Авторы: О.П. Анжиганова, Н.А. Баскаков, М.И. Боргояков, А.И. Инкижекова-Грекул, Д.Ф. Патачакова, О.В. Субракова,

первую очередь, их благозвучный признак. Здесь зашифрованное описание предмета отличается более слабым распознаванием его характерных свойств, второстепенностью его смысловых значений. Содержание таких загадок обеспечивается комплексом звуковых конфигураций, например, *Тигде тох, мында тох, / Ортызында тимір тох* (Одың тоорғаны) – Слева **тук**, и справа **тук**, / Посреди железный **сук** (Рубка дров).

Таким образом, мы рассмотрели смысловые и структурные трансформации хакасских загадок о трудовой деятельности. Загадки, как один из видов малых жанров устного народного творчества, связаны с вербализацией этнического мировоззренческого опыта с учётом ментальных и коммуникативных потребностей народа. Закодированное содержание загадки обусловлено традиционными формами жизни. В основе интерпретации загадок лежит метод метафоризации, направленной на расшифровку семантико-когнитивных кодов устойчивых языковых механизмов.

П.Е.Белоглазов, З.Е.Каскаракова, А.С.Кызласов, Р.Д.Сунчугашев, М.Д.Чертыкова. – Новосибирск: Наука. – 1114 с.

11. Хыйҕа сӥс: сиспектер, сӥспектер паза таптырҕастар = Мудрое слово: хакасские поговорки, поговорки и загадки / ГБНИУ РХ «Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории»; сост., ред.: У.Н. Кирбижекова, Ю.И. Чаптыкова, Н.С. Чистобаева. 4-е изд., доп. – Абакан: Хакасское книжное издательство им. В.М. Торосова. – 2021. – 188 с.

MEANING AND TRANSFORMATION SCHEMES INTERPRETATIONS OF KHAKASS MYSTERIES

M.D. Chertykova, *Doctor of Philological Sciences*

Ch.A. Kaksin, *Student*

N.F. Katanov *Khakass State University*

(Russia, Abakan)

***Abstract.** The article analyzes the Khakas riddles about the labor activity of a person from a semantic-cognitive position. Riddles are soldered linguistic expressions aimed at deciphering and cognitive understanding of encoded structures. In the texts of the Khakass riddles, there are lexemes that have become obsolete, which indicates their archaism. The encrypted interpretation of labor activity includes figurative characteristics of domestic and wild animals. The metaphORIZATION of Khakass riddles is often based on the sign of anthropocentrism, which is realized in descriptions of the characteristics and actions of a person, as well as other living beings.*

***Keywords:** riddle, metaphor, interpretation, cognitive thinking, decoding, Khakass language.*